

Ставки сделаны, господа!

Владимир Спиваков решил досрочно расстаться с Российским национальным оркестром

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

РНО открывал свой тринадцатый сезон. За пультом стоял Владимир Спиваков, в переполненном Большом зале Московской консерватории звучали изысканно элегантный Двадцать первый концерт Моцарта (флегматично и пунктуально солировал пианист Николай Луганский) и зажигательные «Вальс» и «Болеро» Равеля. А телевидение в это же время транслировало заявление maestro о его досрочном уходе с поста художественного руководителя оркестра из-за разногласий с администрацией коллектива. Зал захлебывался от восторга, даже не подозревая о случившемся...

Владимир Спиваков возглавил РНО в 1999 году, сменив основателя оркестра Михаила Плетнева по его личной просьбе. Знаменитый пианист устал от дирижерского бремени и пожелал отойти от дел, чтобы сосредоточиться на сольной карьере и на композиторском творчестве. Для Плетнева придумали должность почетного дирижера. Контракт с Владимиром Спиваковым был заключен на четыре года, то есть официально он истекает первого сентября 2003 года.

Назначение Спивакова поклонники Плетнева восприняли откровенно враждебно. Нового шефа РНО упрекали в чем угодно: от шлягерности репертуара «Виртуозов Москвы» до обожания его публикой, и никак не желали воспринимать Владимира Теодоровича в качестве серьезного симфонического дирижера.

Однако исполнительский уровень оркестра слегка побуксовал лишь на старте. Спиваков очень быстро нашел общий язык с музыкантами, и оркестр начал набирать обороты. Сделав много солидных западноевропейских программ, РНО исправил явный крен в сторону русской музыки, освоил несколько новых престижных гастрольных маршрутов и увеличил число своих почитателей. Оркестр стал звучать аккуратнее и тоньше. Очевидна была кропотливая репетиционная работа. Но его закулисная жизнь оркестра не исчерпывалась.

Администрация оркестра за спиной худрука делала предложе-

ния о сотрудничестве разным музыкантам, а также неизменно соглашалась на коммерческие проекты. Такие, например, как концерт откровенно графоманской музыки американского мецената, миллиардера Гордона Гетти, или дирижерские опыты Карло Понти-младшего, чью маму — звездную Софи Лорен — также можно обнаружить в списках частных благодетелей РНО. Музыканты изнуряюще много работали на различных «халтурах», иногда даже бесплатно. Так, уходя на очередную «левую» ночную запись после нынешнего московского концерта, один пожилой оркестрант заметил: «Скоро по воли дирекции мы будем писать мелодии для мобильных».

В 1990 году, когда история РНО только зарождалась, Михаил Плетнев магией своего имени переманил из всех московских оркестров лучших музыкантов. Но уже пару лет спустя оркестр начала лихорадить кадровая текучка. К настоящему моменту больше трети музыкантов покинули коллектив. Поначалу первый в России частный оркестр, созданный на американские деньги, сулил золотые горы, но они так и не стали реальностью. Хотя оркестр живет по американским законам, а «Российский национальный» — это всего лишь рыночный бренд.

Спиваков протестовал против «рабства» музыкантов, но его мнение попросту игнорировалось. Дирекция не ставила maestro в известность о своих планах. Спиваков долго терпел и пытался найти компромисс. Он мужественно снес унижение, когда на празднике десятилетия оркестра ему нашлось место лишь в партере, или те пресс-конференции директора оркестра г-на Маркова, о которых ему даже не сообщали. И вот, наконец, терпение Спивакова лопнуло. Напоследок он выбрал публичную форму протеста, и первыми, кто узнал о его решении, стали зрители.

После происшедшего г-н Марков выглядел растерянно и объяснялся сбивчиво. Он трактует поступок Владимира Спивакова, как крайне эмоциональную реакцию maestro на сообщение о том, что РНО в лице Маркова не собирается возобновлять с ним контракт на

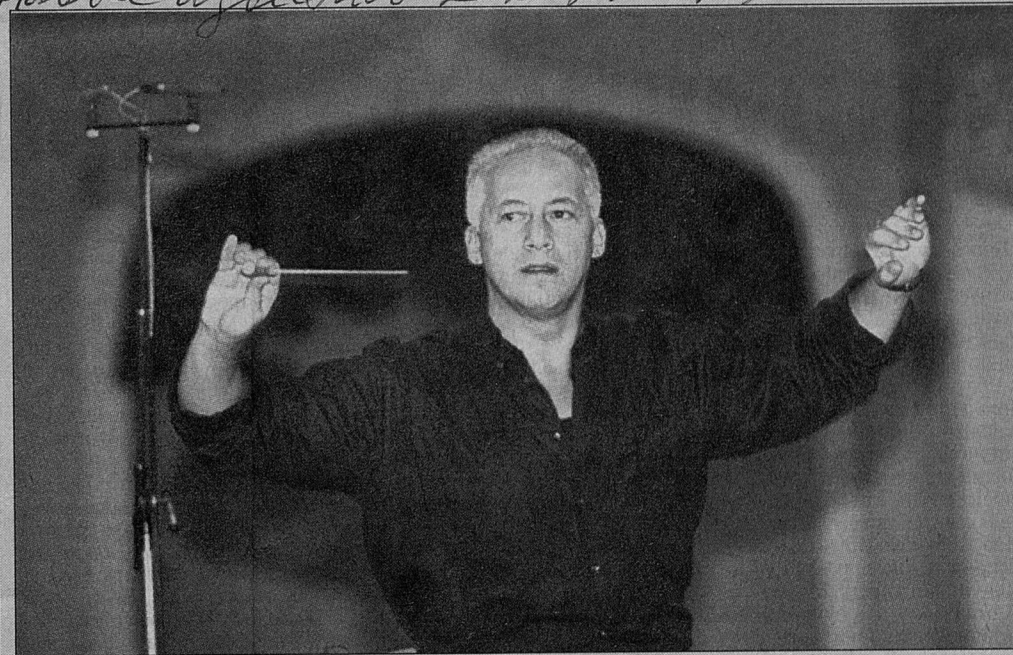
следующее четырехлетие. А все конкретные претензии Марков отвергает, как необоснованные, утверждая, что согласно контракту Владимир Спиваков был худруком оркестра лишь с совещательным правом голоса.

Михаил Плетнев сейчас в Москве. Он вместе с Мстиславом Ростроповичем записывает компакт-диск — Третий фортепианный концерт Рахманинова и Третий фортепианный концерт Прокофьева — для Deutsche Grammophon, однако с Владимиром Спиваковым он не связался и публичных комментариев избегает. О том, как теперь выглядит будущее РНО, пытается высказаться лишь г-н Марков.

Через год задумано создать коллегию дирижеров. Михаил Плетнев решил вернуться к художественному руководству оркестром. А вторым дирижером должен стать знаменитый японец Кент Нагано. Спивакову же планировалось предложить должность главного дирижера, другими словами, рабочей лошади. Неудивительно, что maestro отказался от такой сомнительной чести. Кстати, в офисе Кента Нагано крайне изумились, что в Москве дирижеру приготовили руководящую должность, заметив, что maestro уже руководит одним европейским оркестром — Deutsche Symphonie, поэтому может при благоприятных условиях ограничиться лишь разовыми контактами с РНО.

Впрочем, идея дирижерской коллегии, учитывая естественную амбициозность музыкантов с мировыми именами, в любом случае выглядит утопично и скорее похожа на попытку иллюстрации к известной басне дедушки Крылова о Лебеде, Раке и Щуке. Г-н Марков мотивирует данную задумку благородным стремлением — «чтобы оркестр не был слепком одного человека». Впрочем, оркестр, какжется, уже стал слепком г-на директора. И чем больше собирается людей в той самой коллегии (назывались еще две-три фамилии), тем больше будет мнений и разногласий, а следовательно, и власти у бессменного Маркова. Но все эти дворцовые хитрости вряд ли пойдут на пользу творческому процессу.

Наталья Югинова - 2002 - 21 сентябрь - с. 6.

НАТАЛЬЯ ЮГИНОВА

Владимир Спиваков: «Я уже перевернул эту страницу своей биографии»

— Почему вы все-таки не дождались окончания контракта?

— Постепенно сосуд терпения переполняется, и какая-то капля становится последней. Я больше не хотел работать с безразличными людьми. Все насаждалось одно на другое: ложь, стяжательство, постоянное стремление дирекции использовать оркестр в своих корыстных целях, а никак не в творческих. Мой уход имеет абсолютный явный моральный аспект. Хотя с музыкантами оркестра я творчески близок.

— Ваше решение пересмотру не подлежит ни при каких условиях?

— Это абсолютно обдуманый шаг. Если я принимаю решения, они всегда окончательны. Все эти годы я видел бесправие музыкантов. Очень часто меня хотели использовать просто как карающую машину: давали мне на подпись бумаги об увольнении людей в середине сезона, но я ни одной визы не поставил. Я не приемлю, когда люди работают в страхе, когда их делают бессловесными и бесправными. Я постоянно ощущал какую-то странную возню у себя за спиной и все эти годы не чувствовал себя художественным руководителем оркестра. С коллективом постоянно происходили какие-то события, о которых мне не сообщалось даже задним числом. Хотя в контракте черным по белому написано, что я должен решать все вопросы, связанные с репертуаром и приглашением артистов.

— Почему вы выбрали столь экстраемальный способ объявить о своем решении?

— Я, наконец, воспользовался тем способом общения, который все эти три года испытывал на мне г-н Марков. У него другая человеческая мораль. Я ему дал урок.

— Следовательно, ваши сентябрьские выступления с РНО можно считать прощальными?

— Нет. Согласно контракту я останусь на своем посту еще на три месяца. Иначе меня затаскают по американским судам.

— А как же сложится вторая половина сезона у РНО?

— Руководить оркестром я не буду однозначно. А судьба отдельных моих выступлений с оркестром зависит от того, какое количество грязи выльет на меня г-н Марков.

— Что вы будете делать в ответ?

— Ничего. Я уже перевернул эту страницу своей биографии. Без сожаления.

— Для вас это первый подобный опыт?

— Да. Но каждый новый опыт переводит человека в новое качество.

— Какого рода качество?

— Еще не знаю. Время покажет. Иногда и времени нужно дать время.

— Сейчас вам не кажется ошибкой, что три года назад вы согласились возглавить РНО?

— Нет. Это было правильное решение. Я получил бесценный опыт, который сегодня дает мне чувство полной творческой свободы в работе с любым оркестром мира. Сегодня мне предлагают все что угодно. Сейчас девять крупных оркестров ждут моего согласия с ними работать.

— Речь не о российских оркестрах?

— Нет, не о российских. Но, думаю, у меня и в России проблем не возникнет. Я просто не привык заниматься чьи-то места или кого-то подсаживать. Это не мой стиль.